

«КОМИЧЕСКОЕ» В ПЕРЕВОДЕ НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА ДЖУЛИАНА БАРНСА «БЕЗБИЛЕТНИК».**Хачатрян Диана Артуровна**

студент, Российский Государственный Гуманитарный Университет, РФ, г. Москва

Сокольская Татьяна Георгиевна

научный руководитель, канд. филол. наук, доц., Российский Государственный Гуманитарный Университет, РФ, г. Москва

Перевод и культура – это два понятия, при взаимодействии которых возникает проблема сохранения и передачи культурных особенностей. Трудности, которые появляются в процессе перевода, связаны с тем, что каждый язык описывает явления по-разному и имеет свою грамматическую структуру.

Особенно актуальна на сегодняшний день проблема передачи «комического» в художественных текстах. Переводчик берет на себя одну из ключевых ролей: он должен отобразить авторскую позицию, сохранив, при этом, его манеру и стиль.

В настоящей работе предпринята попытка проследить, насколько четко представлена позиция английского писателя Джулиана Барнса в русском переводе рассказа «Безбилетник», выполненном В. Бабковым.

«Безбилетник» является первой главой в произведении Д. Барнса «История мира в 10 1/2 главах», написанном в 1989 году. Повествование, которое ведется от лица личинки червя-древоточца, значительно отличается от известного библейского мифа о Всемирном Потопе. Ной, считающийся праведником в своем поколении, судя по версии короеда, оказывается «законченным алкоголиком» [2, с. 47]; в оригинале он характеризуется словом “soak” [3, с. 47]. В отличие от библейского сказания, Ной вовсе не думает обо всех тех, кого собирает в Ковчеге: единственной его заботой становится собственное выживание.

Семья Ноя в русском переводе В. Бабкова описывается в ироничном, а порой и в саркастическом тоне, как весьма жестокая группа людей. В тексте прослеживается частое употребление слова «семейка» [2, с. 21], где суффикс -к- придает явно негативный оттенок. В оригинале же значится слово “staff” [3, с. 23]. Интересно, что слову “staff” в русском языке соответствуют такие понятия как: «персонал, коллектив» [4]; что в значительной мере предопределяет сферу употребления слова. Барнс иронизирует над Ноем и его семьей, принижая уровень их отношений, – что адекватно воспринимается и переводчиком.

Рассказчика забавляет тот факт, что строить Ковчег и спасти человечество суждено именно Ною. Он саркастически недоумевает, как же может «пьянчуга быть избранником Божьим» [2, с. 47]? И сразу же излагает свою собственную версию, объясняющую такой выбор тем, что у Господа просто-напросто не было иного выбора. Конкуренцию Ною никто не мог составить: ведь все остальные кандидаты ни на что не были годны. Комическая сторона усиливается выражением “damn sight worse” [3, с. 46], которое описывает возможных кандидатов как субъектов «во сто крат хуже» [2, с. 47].

Как только выносят роковое решение о том, кто будет возглавлять плавание, одновременно объявляется, что открыт набор животных, которым предстоит спастись в Ковчеге: а именно, каждой твари по паре. Особое ироничное отношение можно заметить в описании того, как

данная весть распространяется среди животных: "The word went out ..." [3, с. 23]. Данное выражение в русском тексте передается словом «приказ» [2, с. 11], что передает насмешливый взгляд Барнса на отношения в христианском мире, в котором слова Божьи не произносятся, а выносятся. Живые существа живут по диктовке, словно в тоталитарном обществе, где порядки устанавливает не самая вразумительная «семейка». По признанию короледа, во время путешествия люди вообще держали дистанцию от животного мира, так как таили в себе страх «подцепить какую-нибудь заразу»: "the family being superstitious about illness" [3, с. 21].

Историю делают более живой постоянные обращения: похоже, что между безбилетником и читателем выстраивается доверительный разговор. Короледа по-приятельски переживает, не задел ли он чувства читательской аудитории своими откровениями. В ироничном тоне он произносит: "I don't know how best to break this to you, but Noah was not a nice man" [3, с. 28], что В. Бабков переводит как: «Я не хочу задеть вас, однако Ной не был хорошим человеком» [2, с. 19]. Можно предположить, что для более ясной передачи авторской позиции дословный перевод не будет достаточным, следовало бы усилить фрагмент стилистически-окрашенными словами: «Не знаю, как лучше обрушить эту невероятно горькую правду на вас, но Ной не был хорошим человеком» [пер. мой]. Подобная позиция рассказчика обусловлена греховными пристрастиями праведника Ноя [1]. Барнсом постоянно обыгрывается мотив опьянения Ноя. Согласно Библии, после Потопа Ной насадил виноградник. Попробовав напиток, сделанный из виноградного сока, Ной опьянел, потому что не знал всей силы вина. В данном фрагменте автор прибегает к приему гиперболизации: из одного известного случая он делает систематически повторяющийся цикл. Переводчик В. Бабков, добиваясь саркастического эффекта, использует сильный русский оборот «пил без просыху» [2, с. 27], что меняет, тем самым, более нейтральное, на первый взгляд, английское выражение "all the time" [3, с. 33].

Барнс не останавливается на обличении нрава одного только Ноя. К примеру, разоблачается и Хамова жена: она наделена абсолютно безнравственным характером. В тексте упоминается факт того, что Хам явно побаивается жены и уступает ей во всем: "... she certainly dominated poor Ham" [3, с. 40], – язвительно замечает короледа. В. Бабков использует первое словарное значение слова "dominate" – «контролировать» и усиливает его вторым значением, которое касается непосредственно игровой сферы: «пасовал перед ней» [2, с. 29].

Безбилетник на протяжении всего повествования прибегает и к насмешке над своим животным видом. Для достижения саркастического эффекта используется прием сравнения: «гиппопотамы, которые выклевали то, что застряло у них между зубами, словно помешанные на гигиене дантисты» [2, с. 6], – "pecking away between their teeth like distraught dental hygienists" [3, с. 19]. Ироничен случай с голубем, которого, согласно легенде, Ной выпускал несколько раз, чтобы проверить, осталась ли вода на суше. Когда в третий раз он выпустил голубя, а тот не вернулся, стало ясно, что можно возвращаться на сушу. «Голубь же, наоборот, после Высадки стал ворковать необыкновенно самодовольно. Он словно уже видел свои будущие изображения на почтовых марках и фирменных бланках» [2, с. 41], – усмехается рассказчик. Он сравнивает деятельность священной птицы с избирательной борьбой в предвыборную кампанию, а самого голубя приравнивает к кандидату, который любой ценой метит на высокопоставленную должность. Интересна и самоирония, к которой прибегает рассказчик, когда говорит, что смех – один из немногих плюсов такого же отверженного, как он сам.

Далее короледа плавно переходит к насмешкам над человеческим родом. Ему, к примеру, кажется абсолютно нелепой людская привязанность к цифре «семь» или к числу «сорок», которые считаются священными в некоторых религиях. Мы ощущаем авторскую иронию над культом цифры и над отношением людей к этому явлению. Рассказ вообще пропитан едкими замечаниями о превратном понимании людьми многих вещей. Насмешки над человеческим чувством юмора кажутся вполне оправданными: рассказчик утверждает, что частый смех у представителей нашего рода равнозначен умению понимать шутки. Короледа делает тонкий намек на то, что это связано, скорее всего, с глупостью. «Даже вы и то это заметили... коровы опускаются на траву, значит, дождик пойдет» [2, с. 20], – посмеивается рассказчик. Слово «даже» в данном фрагменте берет на себя негативную функцию, а для усиления эффекта иронии переводчик добавляет к нейтральному слову «дождь» уменьшительно-ласкательный суффикс. Особенно иронично осознание того, что личинка червя древоточца смотрит на

людей свысока, несмотря на то, что сама в разы меньше.

Примечательно, что комическое явление зачастую находит свое проявление в политическом дискурсе. Герой отзывается о Боге, Ное и его семье как о «верхушке» [2, с. 40] власти, выносящей приговоры. Слово «top» [3, с. 19], которое звучит в оригинале, Бабков переводит при помощи русского суффикса, чтобы ярче передать авторское ироничное отношение. Короед идентифицирует Ноя с семьей с шайкой преступников: ведь ничего, кроме насилия и издевательского отношения к окружающим они не проявляют на протяжении всего плавания. Безбилетник рассказывает, как однажды все животные на Ковчеге даже сочиняют петицию из-за царящего хаоса. Однако успешного результата петиция так и не приносит.

Когда тяжелое путешествие близится к своему завершению, наступает день, которого все так ждали – они, наконец, высаживаются на сушу. По этому поводу короед едко замечает, что хвалебные и благодарственные слова «лились рекой, как вино за Ноевым столом» [2, с. 16]. Рассказчик не упускает возможности усмехнуться над греховным пристрастием Ноя, которого, как он иронично полагает, именно тяжелое путешествие сделало «пропойцей» [2, с. 13].

Проанализировав текст, следует сказать о том, что ирония и сарказм являются формообразующими доминантами стиля Джулиана Барнса в рассказе «Безбилетник». В основе текста лежит критическая оценка Барнса по отношению к людям, слепо верящим в библейскую легенду. Языковое выражение носит индивидуально-авторский характер, который и постарался донести до читателя переводчик. Если ирония и сарказм рассматриваются как элементы мировоззрения автора, в таком случае, переводчик определяет сущность, направленность, цель и силу всех приемов и способов.

Список литературы:

1. Библия. Книга Бытие – [Электронный ресурс] – Синодальный перевод, 1876 г. – Режим доступа: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/01/09/>.
2. «История мира в 10 ½ главах» / Джулиан Барнс; [пер. с англ. В. Бабкова]. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с. – (Букеровский лауреат: Джалиан Барнс).
3. Contemporary British Stories. Perspective Publications Ltd., 1994. – P. 19–48.
4. Macmillan dictionary online: http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/staff_1.